

*Татьяна Артемьева
Михаил Микешин*

Интеллектуальные сообщества в России в эпоху Просвещения

Исследования российской интеллектуальной истории часто сводятся к описанию противоречий и столкновений интеллектуалов и властных структур, иными словами, интеллектуальной и политической элиты. При этом молчаливо подразумевается, что этот антагонизм носит архетипический характер и определяет духовную атмосферу России на протяжении многих веков. Такой подход рождает образ интеллектуала-революционера, борца, фрондера. Создается впечатление, что именно в этом противопоставлении и заключается весь пафос интеллектуальной деятельности. Интеллектуал борется с политическим режимом, цензурой, бюрократией, условностями, иноземными влияниями или отечественной косностью. Он освещает, разоблачает, обличает, развенчивает, демонстрирует, противопоставляет, срывает все и всяческие маски. За это он отправляется в тюрьму, ссылку, каторгу, монастырь, на худой конец, просто высылается из столиц. «Порядочного человека выделяет не чин, а опала», — отмечают П.Вайль и А.Генис в статье о А.С.Пушкине¹.

Подобная модель, отражая, разумеется, некоторые аспекты исторического развития, не дает увидеть главного — как создавались интеллектуальные ценности прошлого и кто был их творцом.

Изучение событий, документов и мысли отдаленного от настоящего момента на 150—250 лет периода российской истории все время оставляет странное ощущение некоего несоответствия, некоего тумана, обволакивающего взгляд, размыва-

ющего картину, отдельные детали которой могут вырисовываться достаточно четко, поскольку связаны с совершенно конкретными личностями, текстами или событиями. Сначала удивление, а потом нарастающее раздражение начинают вызывать бесконечные цитаты и примеры из художественной литературы, каким-то образом постоянно служащие аргументами в историческом, историософском или философском изложении. Выясняется, что все серьезное и самостоятельное в России и российской мысли возникает не ранее 1830-х–40-х гг. До этого времени мыслители, например, имеют только последователей, а с этого момента они получают и предшественников.

Чем больше обращаешься к документам того времени, тем больше видишь несоответствие отраженной в них жизни и нашими представлениями о том, что происходило тогда. «Дух времени» ускользает от современного исследователя, поскольку русская история, вернее, ее описание и понимание, пересекает в указанные годы некий рубеж. Русская история вдруг превращается из истории войн и дворцовых переворотов в историю литераторов, журналов и борьбы за свободу слова и творчества.

Приведем один наглядный пример. В 1997 г. в Эрмитаже была устроена выставка «Совершенно модный живописец. Франц Крюгер в Петербурге». Само собрание великолепных портретов – не обязательно парадных – «царских сатрапов» Николаевской эпохи, лиц, глядящих на зрителя из того времени заставляет усомниться в привычных оценках эпохи «Николая Палкина». Однако наше особое внимание привлекла картина Г.Г.Чернецова «Парад и молебствие по случаю окончания в Царстве Польском военных действий в 1831 г., на Царицыном лугу». Это полотно хорошо известно всем по фрагменту, растиражированному везде, вплоть до школьных учебников литературы. На фрагменте изображены прогуливающиеся И.А.Крылов, Н.И.Гнедич, В.А.Жуковский и А.С.Пушкин. Мы в первый раз увидели целиком полотно, фрагмент которого знаем наизусть. Оказывается, картина большая (212 на 345 см²), две трети на ней занимает петербургское небо. Царя видно хорошо, но он совсем небольшой в левом нижнем углу. А знаменитый фрагмент занимает примерно 1/130 часть площади всей картины. Пикантность си-

туации придает еще и то, что на полотне изображены светочи русской литературы, «хотя подтверждений того, что они были свидетелями парада, нет»³. Не афишировалось также и то, какому событию был посвящен парад, и то, что Пушкин и его коллеги попали на полотно потому, что Николай I заказал Г.Чернецову «написать вид, изображающий парад на Царицыном лугу, в ту меру, как написана известная картина Крюгера парад в Берлине» (Крюгер, например, изобразил Паганини, которого точно не было в Берлине во время парада)⁴.

Итак, наше представление об истории того времени характеризуется каким-то особым, специфическим методом видения, который вырывает некоторые фрагменты, увеличивает их до размеров, застилающих все остальное, да и фрагмент этот оказывается, возможно, не имеющим связи с реальностью.

Попробуем разобраться, что же представляла собой полная картина интеллектуального сообщества в России эпохи Просвещения.

Прежде всего, необходимо назвать традиционную составляющую — академическое сообщество. Оно не было ни слишком многочисленным, ни чрезмерно развитым в эпоху Просвещения. Но тем не менее оно существовало и добилось определенных успехов и признания на международном уровне. До начала XIX в. оно было ограничено Петербургской академией наук (с Академическим университетом), основанной в 1724 г., и Московским университетом, основанным в 1755 г. Петербургская академия наук создавалась в то время, когда без активных контактов в международной профессиональной среде и без обмена информацией невозможно было заниматься наукой. Ученые меняли место службы, переезжали из одной страны в другую, работали в разных исследовательских коллективах. Однако специфика науки Нового времени предполагала, что каждое новое открытие должно было опираться на сумму предшествующего опыта и знаний и, в свою очередь, апробироваться в профессиональной среде экспертов. Научный институт должен был становиться ячейкой уже существующей научной сети, а ученый мог заниматься наукой, только будучи ее частью. При этом само построение научной сети не имело иерархического характера и может быть сравнимо с современными сетевыми моделями.

Научное открытие в значительной степени зависит от степени включенности исследователя в мировую науку, это необходимое условие реализации его таланта и способностей.

В XVIII в. состав Петербургской академии наук был очень интернациональным. Среди 110 академиков было 67 немцев, 34 русских (включая 27 этнических русских и 7 представителей различных национальностей Российской империи), 7 швейцарцев, 5 французов, 2 шведа, 1 британец, 1 испанец⁵. Все они вели интенсивную переписку со своими коллегами во всем мире. В это время оплачивалось не только каждое посланное, но и каждое полученное письмо. Эти расходы брала на себя Академия наук, давая возможность своим членам поддерживать интеллектуальную сеть и реализовывать свое присутствие в *республике ученых*. Такие же льготы имели ученые Шведской академии наук и члены созданного Б. Франклином Американского философского общества.

Институт почетных членов Академии наук (характерный и для других академий мира) привлекал в сообщество российских ученых виднейших интеллектуалов Европы⁶, российские же ученые становились членами иностранных академий. Разумеется, такое членство носило характер скорее почетного титула (так, Екатерина II была членом Берлинской академии, прусский король Фридрих II и шведский король Густав III были членами Петербургской академии наук, а Екатерина Дашкова — членом Американского философского общества), однако оно подчеркивало наличие некоего международного интеллектуального сообщества, а также того, что оно построено по *сетевому*, а не *иерархическому* принципу (*республикой ученых* с просвещенными монархами в качестве рядовых членов).

Научные занятия служили своеобразным «социальным лифтом» и формировали представителей нового ученого сословия, вписанного в международное сообщество. Однако социальный статус как студентов, так и самих академиков и профессоров не был достаточно определенным в России. Это было причиной обособленности ученого сословия. Г.-Ф. Миллер полагал, что это одна из причин отдаленности его от дворянства. «Русское дворянство ищет повышений чинами, — пишет он. — Между тем знатнейшие ученые оставались без чинов, и это в

стране, где все преимущества соразмерены с чинами, где не имеющий чина не может показаться ни при каком официальном представлении, какой же после этого порядочный человек решиться оставаться при учености, я хочу сказать, сделаться ученым по профессии?»⁷. М.В.Ломоносов был в этом смысле более оптимистичным. Он считал, что приобщение к *сокровищу знаний* не только приближает к этосу *благородных*, но и повышает реальный социальный статус. Так, в 1758 г. в «Проекте регламента академической гимназии» он писал: «Науки являются путем к дворянству, и все идущие по этому пути должны смотреть на себя как на вступающих в дворянство»⁸.

В России, где положение в обществе и социальная принадлежность определялась «Табелью о рангах», состояние ученых, которые оказались вне этого регламентирующего документа, было непрестижным и двойственным⁹. Это приводило к тому, что интеллектуальная коммуникация между учеными и дворянскими интеллектуалами не носила систематического характера. Дворяне получали домашнее образование, закрепляя его затем образовательными поездками в Европу, и никогда не стремились к академической карьере.

О том, что занятие дворянином профессорской кафедры было в то время экстраординарным явлением, свидетельствует письмо в журнал «Вестник Европы» Г.А.Глинки, который вынужден опровергать мнение о том, что среди преподавателей университета нет лиц дворянского звания. «Первый феномен есть, — пишет он, — смоленский помещик, надворный советник Григорий Глинка, который имеет столько достатка, что мог бы содержать себя и без профессорского жалования. Но из особенной любви к наукам и ко благу общественному, он в скором времени по издании общего Устава народного просвещения взошел на кафедру Российской словесности в Дерптском университете». Он сообщает, что «люди, не одушевленные ревностью к благородным жертвованиям для просвещения сограждан своих находили этот поступок странным», и считает нужным в качестве оправдания заявить, что «презирает мнения обыкновенные»¹⁰.

Интеллектуалы-богословы, «ученое монашество» в эпоху Просвещения составляли наиболее закрытое сообщество интеллектуальной элиты. При этом границы очерчивались не

столько изнутри, сколько извне. Образованное общество не очень интересовало ни духовная жизнь церкви, к которой оно относилось с некоторым превосходством, ни теоретические проблемы, обсуждавшиеся в церковных кругах, ни книги, выходявшие в Синодальном издательстве. Реформа печати, проведенная Петром I в 1707–1710 гг., и создание гражданской азбуки отделило церковную литературу от светской не только для человека эпохи Просвещения, но и для большей части современных исследователей, как бы «не замечающих» репертуар «Сводного каталога русской книги кирилловской печати XVIII в.»¹¹ и его значение для исследования интеллектуальной истории XVIII в., а также латинские сочинения ученых церковных школ¹².

Церковные реформы XVIII в., прежде всего отмена патриаршества и учреждение вместо него Святейшего Синода (1721 г.), члены которого назначались императором, утверждение должности обер-прокурора (1722 г.), назначавшегося императором в качестве «ока государева и стряпчего о делах государственных в Синоде», секуляризация монастырских имений (1762–1788) привели к снижению роли православия, повышению его зависимости от государственной власти и уменьшению его значения и престижа в обществе.

Интеллектуальная коммуникация между церковными интеллектуалами и академическим кругом была незначительна. Можно привести лишь отдельные эпизоды, например, деятельность архимандрита Дамаскина (Д.Е.Семенова-Руднева) по изданию сочинений М.В.Ломоносова. Ситуация усугублялась также тем, что в России богословские факультеты никогда не входили в состав университетов, а церковные школы развивались отдельно от светских.

Среди многочисленных слоев российского общества XVIII в. невозможно найти такой, который бы обладал необходимыми условиями для «свободного философствования», кроме дворянства. И действительно, досуг, образование, личная свобода, отсутствие меркантильных установок и непосредственной идеологической зависимости, вовлеченность в мировую культуру, наконец, потребность занять мировоззренческую позицию, возвышающуюся над обыденной и соответствовавшую привилегированному положению в социуме, могло соединять-

ся только в этом сословии. Такая ситуация объясняет некоторую тождественность понятий «философ» и «большой барин», «вельможа», характерную для XVIII в. Ее субъектом был не «профессионал», а мыслитель, имеющий досуг, достаток и образование для того, чтобы предаваться «свободному любомудрию» — «дворянин-философ», как называл себя, например, Ф.И.Дмитриев-Мамонов. Обыденное сознание выделяло «философов», или, говоря современным языком, интеллектуалов, как некоторую группу в среде дворянства, отличающуюся экстравагантным поведением и необщепринятым образом мыслей, ориентацией на западную, прежде всего французскую, реже — английскую культуру, демонстративным антиклерикализмом, «вольтерьянством».

Просвещенный нобилитет являлся, по сути, представителем правящего сословия, поэтому интеллектуальная и политическая элиты в значительной степени совпадали. Между ними не было значительных противоречий, а тем более антагонизма. Противостояние наметилось в середине XIX в. и было связано с появлением интеллигенции, которая стала выполнять функции второй интеллектуальной элиты.

До 1825 г. только государство и дворянство были двигателями модернизации в России, поэтому «просвещенные» россияне имели меньше причин для ненависти к дворянству, которую чувствовали, например, многие немецкие или французские просветители. Интеллигенция, которая в будущем создаст интересующееся политикой «общественное мнение», была еще в зародышевом состоянии — но и она, конечно, затем воспримет ученое, интеллектуальное понимание политики, которое было развито ее предшественниками.

Романовы правили не в вакууме. «Публика» помогала формировать их поведение, и важно понять, как это осуществлялось. «Публика» состояла, главным образом, из дворянства и, в гораздо меньшей степени — из наиболее образованной части духовенства и купечества. Крестьянство и низшие городские слои (народ) редко культурно взаимодействовали с «публикой», хотя войны 1805—1807 и 1812—1814 гг. давали важные возможности для контактов между сословиями. «Общественное мнение» было все же тогда еще мнением высших классов. Трудность

в использовании термина *общественное мнение* заключается в том, что он вызывает образ единой информированной коллективности, быстро и закономерно реагирующей на все заметные события. Этот образ не всегда соответствует реальности и менее всего — в России с ее этническим разнообразием, неграмотностью, огромными расстояниями и цензурой. Даже среди дворянства бедное провинциальное благородное семейство занимало положение, совершенно отличное от семьи магната, владевшей огромными землями и тысячами «душ». И все же некоторый общий опыт придавал дворянам из различных словес чувство общности: государственная служба, владение крепостными, грамотность, культурные склонности на западный манер и географическая подвижность, которая позволяла им, в определенной степени, смешиваться друг с другом.

Российская «публика», хотя и немногочисленная, имела необычайное политическое значение. Непропорционально сконцентрированная в двух столицах, Санкт-Петербурге и Москве, она на самом деле *была* государством. Огромное большинство чиновников и офицеров происходили из дворянства, так же как и практически все монаршие советники. Информация, которую царь получал о своей империи, поставлялась ему дворянской бюрократией, и его приказы также должны были выполнять чиновники из дворянства. За пределами столиц настоящее управление большей частью России осуществлялось десятками тысяч дворянских землевладельцев. Сам император был окружен аристократами и разделял их взгляды на жизнь. И наконец, дворянство могло свергнуть или убить монарха, который покушался на его интересы, — судьба, на которую оно обрекло отца Александра I (Павла I) и его деда (Петра III). Следовательно, политическая поддержка дворянства была совершенно необходима любому российскому монарху.

«Публика» была малочисленна, особенно избранные круги наиболее влиятельных семейств и личностей, которые выдвинулись при дворе, на императорской службе или в искусствах. Это сообщество составляло важный канал для распространения политических новостей и идей среди более широкой «публики»; оно также доставляло мнение этой «публики» правительству. Если изучать эту группу по письмам, дневникам и

мемуарам ее членов, нельзя избежать впечатления, что там каждый знал или был родственником почти всем другим. В результате такой взаимосвязанности идеология была единственным фактором среди многих, который всерьез влиял на отношения между членами элиты. «Консерваторы» и «прогрессисты» могли быть друзьями или даже близкими родственниками, которые влияли друг на друга и имели одинаковый жизненный опыт. Социальная близость приводила к относительной бесформенности политического ландшафта, в котором до декабристского восстания 1825 г. идеологические разделения еще не полностью кристаллизовались.

Тем не менее в конце XVIII в. члены высшего класса осуществили ряд значительных шагов по формированию общественного мнения, основанного на иных факторах нежели личная преданность, родственные связи, соседство, принадлежность к православной церкви и государственная служба. Конструктивной в этом процессе была постоянная экспансия печатного слова и частных объединений — и то, и другие расширяли связи аристократов за традиционные пределы. Освобождение дворянства от обязательной государственной службы в 1762 г. оставило многих дворян без удовлетворительной цели жизни, и некоторые из них направили теперь свою моральную энергию на отстаивание личной чести, корпоративной свободы и службе народу вместо безусловной преданности короне. Более того, влияние западной мысли подорвало роль православия как духовного и морального лидера, и в то же самое время все большее число землевладельцев поселились в столицах и, тем самым, в определенной степени выходили из-под традиционного влияния семейных уз и регионального партикуляризма.

Мнения распространялись в дворянских кругах по различным формальным и неформальным каналам. Школы, университеты и государственная служба сами по себе являлись институциональной средой, где дворяне обменивались идеями, хотя их также было легче всего контролировать властям. Другим формальным каналом связи была печать. Аудитория одной публикации была, как правило, мала, но кумулятивно пресса имела значительное влияние. Хотя традиция политической журна-

листики была слаба, а цензоры оставались бдительными, писатели могли обращаться к социально важным темам под видом литературной критики, рассказов о путешествиях и морализирующих сочинений.

Для развития общественного мнения были важны общественные собрания. Некоторые из них были относительно более структурированы. Это время было свидетелем организации первых российских клубов – ассоциаций, где их члены обедали, общались и играли в карты. Клубы обычно имели комнаты для чтения, где можно было просматривать последнюю периодику. «Аглицкие клубы» Москвы и Петербурга, в которых были сотни членов, были наиболее значительными, но отнюдь не единственными такими группами. Масонские ложи также являлись средой социального взаимодействия аристократов.

Кроме формальных собраний, было и множество неформальных, особенно салонов, которые играли главную роль в общественной жизни больших городов. Выдающиеся россияне и иностранные дипломаты устраивали их постоянно, часто приглашая в гости одни и те же группы людей, причем различные салоны имели разную степень социальной престижности.

Салоны, масонство и бюрократия представляли собой модели для «политических» организаций, действовавших в это время. Поскольку правительство было составлено из тех же людей, которые были членами лож и посещали салоны, оно было обычно хорошо информировано о состоянии общественного мнения. Общественное мнение и государство имели один *modus vivendi*. Несмотря на устрашающий фасад самодержавия, правительство прислушивалось к общественному мнению и иногда уступало его давлению. Сплетни в салонах, рукописные памфлеты и собрания масонских лож, которые совсем не были случайными побочными продуктами авторитарной политики, фактически составляли активный компонент политического процесса, которым управлялась Россия.

Примечания

- ¹ *Вайль П., Генис А.* Родная речь. Уроки изящной словесности. М., 1991. С. 47.
- ² *Асвариц Б.И.* «Совершенно модный живописец». Франц Крюгер в Петербурге. Каталог выставки. СПб., 1997. С. 86.
- ³ Там же.
- ⁴ Там же. С. 11, 10.
- ⁵ Предисловие // *Летопись Российской академии наук.* СПб., 2000. С. 7.
- ⁶ Почетными членами Петербургской академии наук были, например, Христиан Вольф, Вольтер, Д'Аламбер, Дидро, Кондорсе, Кант, Гаусс, Реомюр, Лаплас, Гальвани, Франклин и многие другие.
- ⁷ Цит. по: *Толстой Д.А.* Академический университет в XVIII столетии. По рукописным документам архива Академии наук. СПб., 1885 С. 7.
- ⁸ Цит. по: *Ломоносов М.В.* Полн. собр. соч. Т. 9. С. 482.
- ⁹ *Фундаминский М.И.* Социальное положение ученых в России XVIII столетия // *Наука и культура в России XVIII в.* Л., 1984. С. 52–72.
- ¹⁰ *Глинка Г.А.* Дворянин-профессор в России // *Вестн. Европы.* 1803. Ч. IX. № 11. С. 198–199.
- ¹¹ *Зернова А.С., Каменева Т.Н.* Сводный каталог русской книги кирилловской печати XVIII в. М., 1968.
- ¹² К сожалению, специалисты, занимающиеся исследованием, переводом, изданием сочинений российских мыслителей-преподавателей Киевско-Могилянской Академии, Славяно-греко-латинской академии – М.В.Кашуба, И.С.Захара, А.В.Панибратцев и др. представляют собой достаточно замкнутый профессиональный круг, а результаты их исследований не всегда учитываются в обобщающих работах по российскому Просвещению.